

ФОТО: ИГОРЬ ЗАХАРКИН «ИЗВЕСТИЯ»

АНГЕЛУ ПОДРЕЗАЛИ КРЫЛЬЯ

Известия. — 2004. — 28 июля. — С. 7.

ЕКАТЕРИНА БИРЮКОВА

Нынешний Мюнхен обклеен портретами этого американца, который хоть и напоминает в некоторых ракурсах brutального гладиатора Рассела Кроу, но поет он партии, написанные для Сенесино Фаринелли. Сегодня Дэвид Дэниелс споет в Баварской опере, и этот концерт станет одной из финальных точек знаменитого Мюнхенского оперного фестиваля. Однако до того Дэниелс успел побывать в Москве, приехав в нашу столицу в самую летнюю глушь.

Бородатый мужчина с нежным альтовым голосом в роли главного героя концерта — вещь, мягко сказать, непривычная. И проблема тут не в нашей косности — все-таки времена, когда контртеноров у нас причисляли к разряду цирковых чудес, худо-бедно миновали, и к аутентичному укладу, в котором без таких людей никак нельзя, наша публика тоже потихоньку привыкает. Однако одно дело, когда контртенор выступает эдаким чинным музейным экспонатом, никакого отношения не имеющим к современной концертной жизни. И совсем другое дело — когда он встраивается в эту современную жизнь на совершенно общих со всеми правах.

Дэниелс, действующая звезда и едва ли не символ американской оперной сцены, —

именно такой случай. Его голос — не экзотическая приправа к старинному блюду, а самоценный, очень выразительный инструмент, не хуже скрипки или рояля. У него толпы поклонников, куча хорошо продающихся дисков и обширный репертуар, не стесненный рамками какой-то одной эпохи.

Так уж случилось, что настоящим царем певец стал в барочной музыке, прежде всего в опере Генделя. Именно эту музыку он привез в Россию. Первое отделение, несмотря на то, что в нем исполнялся традиционно почитаемый в России Бах (кантата «Ich habe genug»), оказалось подготовкой ко второму. Там Дэниелс показался во всей своей красе, спев в общей сложности четыре генделевские арии (из опер «Роделинда», «Юлий Цезарь» и оратории «Саул») и продемонстрировав глянцевую красоту, сладкую мягкость и безупречную отлаженность своего голоса.

Ангельское пение сопровождалось безукоризненными гобойными соло Алексея Уткина и незатейливой игрой его камерного коллектива. Оркестр, за которым его руководитель не слишком следил, не очень отдавал себе отчет в том, что он аккомпанирует ангелу, был вял, банален, скучен. Его стараниями «Концерт для ангела с оркестром» прошел без полета, но ангел сделал все возможное, чтобы публика этого не заметила.

КОНТРТЕНОР ДЭВИД ДЭНИЕЛС:

«НАС НЕ СТОЛЬ ЖЕСТКО ФИЛЬТРУЮТ»

— В Москву вы приехали из Челябинска. Вы, вероятно, первый певец такого ранга, который посетил этот город. Какие впечатления?

— Это был не мой выбор, а предложение продюсера Олега Березкина. У него хорошие отношения с руководством этого города. Так что все, что мне оставалось, — взять билеты и полететь. Публика очень хорошо принимала. Я давно хотел приехать в Россию, с Дмитрием Хворостовским по этому поводу говорил — у нас ведь с ним общий менеджер, Марк Хилдрю.

— Это первый ваш проект с Уткиным?

— Да. Раньше я только записи его слушал. У меня в репертуаре много произведений с солирующим гобоем, так что он для меня — как раз.

— Судя по вашим записям, камерная музыка вас больше интересует, чем оперная. Недавно вы даже под гитару диск записали.

— Вы по моим записям обо мне не судите. Это просто финансовые проблемы «Virgin Classics», на которой я записываюсь. Не хватает средств на записи опер. А я люблю и то, и другое.

— Все-таки опера в вашем случае — это почти всегда барочная опера. А в концерте вы можете выбирать более позднюю музыку. Вам какая музыка ближе?

— Да мне все нравится. Но если что-то одно надо будет выбрать, то я, конечно, выберу барокко.

— Как вы думаете, почему сейчас такая мода на барочную музыку?

— Я могу только про Америку сказать. Как бы это ни казалось парадоксальным, это был поиск чего-то нового. В поиске новизны звукозаписывающие компании вернулись к давним временам. К тому же очень здорово, что с барочной оперой — полная свобода, никакого груза традиций. Ведь никто не знает, как надо делать оперу Генделя, в то время как все знают, как надо делать «Аиду» или «Богему».

— Вам интереснее в Европе выступать или дома?

— Самое любимое место — это Нью-Йорк. В Европе — Мюнхен. Я там уже пятую продукцию сейчас делаю — «Орландо» Генделя. В Лондоне мне тоже хорошо.

— В Англии все-таки очень давняя традиция контртенорового пения. Вы там конкуренцию не чувствуете?

— Да нет.

— А разница школ есть?

— Да, она очень чувствуется. Любой услышит. В Англии очень сильны традиции хоровой церковной музыки. А что касается американских контртеноров, то у нас больше оперности, драматизма.

— В Америке где-то специально учат на контртеноров?

— Нет. Но на самом деле это не важно. Для каждого певца, и контртенор здесь не исключение, важно просто найти своего преподавателя. Хорошая вокальная техника обязательна для всех.

— Все-таки у вас техника другая, чем у тенора или баритона.

— В чем-то — да. Но что касается дыхания, опоры звука — все одно и то же.

— Почему большая часть мужчин довольно противно поют фальцетом, и только у небольшого количества счастливых это получается так красиво, как, скажем, у вас?

— Спасибо, конечно. Но, к сожалению, это не все понимают. Звукозаписывающие компании, кажется, возьмут любого, кто поет фальцетом, независимо от того, хороший у него голос или нет. Это большая проблема. Нас не столь жестко фильтруют, наверное, потому, что от контртенора в любом случае ожидают какого-то странного звучания. Сейчас такое количество контртеноров появилось!

— То есть получается, что сейчас наблюдается контртеноровый бум?

— Совершенно верно. Вот вам прекрасный пример — даже в Челябинске есть один контртенор!

Жультура

28 ИЮЛЯ
СРЕДА